

От редактора: КНИГА В КНИГЕ

Уважаемые коллеги, дорогие читатели, прежде всего хочу поблагодарить своих друзей и коллег по редакции и редколлегии журнала, которые подготовили прошлый поздравительный номер и участвовали в нем со своими статьями. Спасибо всем причастным, я глубоко признательна и очень тронута.

Четвертый номер в большой своей части посвящен теме «Книга в книге», которой наш научно-исследовательский центр «Ф.М. Достоевский и мировая культура» интенсивно занимается уже год — и она при этом только начинает раскрываться в своих истинных масштабе и значении.

2–4 октября 2023 года мы провели первую Международную научную онлайн-конференцию «Книга в книге», посвященную 85-летию со дня рождения великого русского филолога, теоретика и историка культуры, германиста и искусствоведа, переводчика Александра Викторовича Михайлова (1938–1995). Конференция, посвященная теоретической проблеме присутствия книг **как прямо упомянутых текстов и материальных предметов, участвующих в сюжете**, в произведениях мировой литературы и культуры, прошла в рамках работы Центра по гранту РНФ над исследованием «Роль и образ книги в романе Ф.М. Достоевского “Идиот”». Программу конференции можно посмотреть здесь: <https://imli.ru/121-seminary-i-konferentsii-2022/5449-mezhdunarodnaya-nauchnaya-onlajn-konferentsiya-kniga-v-knige-posvyashchennaya-predstoyashchemu-85-letiyu-so-dnyarozhdeniya-aleksandra-viktorovicha-mikhajlova-1938-1995>

Записи первого дня: <https://www.youtube.com/watch?v=3phWLGDE6a0&t=653s>

Записи второго дня: <https://www.youtube.com/watch?v=sGV4CoQ6XRg>

Записи третьего дня: https://www.youtube.com/watch?v=E3_cqsOgy4g

Ряд статей этого номера подготовлен на основе докладов, сделанных на конференции.

Одним из поразительных открытий, сделанных нами в процессе работы над темой было то, что на фоне огромного моря компаративистской литературы, посвященной роману «Идиот», имеется лишь жалкий и постоянно пересыхающий ручеек статей, посвященных тем книгам, которые волей автора присутствуют в самом романе. А если каким-то книгам в нем все же повезло с количеством исследований (как «Даме с камелиями» и «Дон Кихоту») — то эти исследования проводятся практически всецело, за ничтожными исключениями, в компаративистском ключе. Я имею все основания полагать, что дело так обстоит вовсе не только с романом «Идиот».

Между тем, книга, присутствующая (часто — и как материальный предмет с дополнительными функциями) в произведении, нуждается совсем в другом способе изучения, чем принят в компаративистских исследованиях. Она должна быть осмыслена как важная часть нового целого, созданного автором на внутренних опорах из введенных в это новое целое книг. Но книга в книге может быть не только опорой фундамента — она может выступать и в роли контрфорса, опоры, создающейся вовне, показывая, чем новый герой или новый сюжет *не* являются. Она может стать и тоннелем к чему-то глубокому, не очевидному в явленном сюжете, но указанному как его предельный смысл. В любом случае — она должна изучаться как часть нового целого, а не как другое целое, сопоставленное ему.

Мы намереваемся сделать конференцию «Книга в книге» ежегодной и попытаться собрать вокруг нее именно тех исследователей, которые понимают новое качество предмета исследований и отыскивают адекватную ему методологию. Следующая конференция запланирована на 1–3 октября 2024 года.

В следующем году мы намереваемся также провести конференции, посвященные романам «Преступление и наказание» (28 февраля – 1 марта 2024, онлайн) и «Идиот» (18–20 апреля 2024, Старая Русса). Просим иметь в виду всех участников

наших уже состоявшихся конференций по «Преступлению и наказанию», что в 2024 году наш Центр завершает работу над новым томом серии «Произведения Ф.М. Достоевского: современное состояние изучения», посвященным этому роману — и мы очень ждем ваши статьи на основе уже состоявшихся докладов. Так как «Преступление и наказание» входит во все учебные программы в России и в ряд учебных программ за рубежом, кроме обычных для серии тем, **охватывающих все поле научных исследований романа**, на конференции и в издании будет рассматриваться и тема представления романа в учебниках и учебных пособиях, методические разработки по роману и т.д. Мы будем рады рассмотреть ваши заявки на участие в конференциях 2024 года и в планируемом издании. Мы особенно приглашаем к участию в них преподавателей вузов, учителей и методистов, которым есть что сказать о ценности, пользе и применимости (или наоборот) того, что содержат относительно романа учебники и методические пособия, и которые могут поделиться собственными наработками и наблюдениями о том, как воспринимается роман нынешними учениками и студентами.

Я хотела бы подчеркнуть, что на наши конференции можно присылать заявку на участие в качестве слушателя и участника обсуждения (со сведениями о себе) — мы включаем таких участников в программу и очень ценим их участие в общей научной работе на конференции.

2021–2023 годы отмечены выходом большого числа изданий, посвященных Достоевскому и его творчеству. Хочу напомнить, что мы будем рады предоставлять страницы журнала для публикаций содержательных рецензий на вышедшие в 2021–2023 годах книги и сборники. Также мы всегда открыты для публикации содержательных обзоров прошедших конференций. В этом номере обзору прошедшего в конце августа 2023 года в Нагойском университете зарубежных исследований (Япония) XVIII Симпозиума Международного общества Достоевского посвящена статья Валентины Борисовой и Ирины Андриановой. Хотелось бы внести в их информативный и интересный текст небольшое уточнение. Авторы пишут, что Симпозиум Международного общества Достоевского проходил в Азии впервые, и если подходить

к делу предельно формально, то они правы. Однако не следует забывать, что, хотя на симпозиуме 1998 года в США горячая просьба Японского общества Достоевского о проведении следующего симпозиума в Японии не была удовлетворена, президент Японского общества Тоёфуса Киносита своими силами организовал в 2000 году в университете Тиба международную конференцию по творчеству Достоевского, по богатству заявленных тем и по составу участников практически равную симпозиуму Международного общества Достоевского.

В открывающей номер рубрике «Герменевтика. Медленное чтение» первая статья — Катерины Корбелла — посвящена собственно концепту «книга» в романе Достоевского «Идиот». Одним из основных значений концепта оказывается «место хранения», причем очевидное для книги значение хранилища информации, историй, сведений оказывается широко и значимо поддержано тем, что книги в романе оказываются местами, куда помещаются и где хранятся *предметы*, важные для сюжета. Я бы даже сказала так: предметы, важные для *соединения* внешнего сюжета с сюжетом внутренним, для выявления глубинного смысла романа. Чтение книг оказывается для героев способом обретения образа себя, выхода из *безобразности*. Исследовательница замечательно показывает, как это обретение образа прямо проговаривается в тексте романа относительно Рогожина. Но стоило бы добавить, что обретение образа прямо проговорено и в случае Настасьи Филипповны — и оно касается не только обретения лица («трудно было вообразить себе, до какой степени не походила эта новая Настасья Филипповна на прежнюю лицом»), но и обретения характера, тоже связываясь автором с чтением — только (что отмечает Корбелла) *отрицательно* — или вернее было бы сказать — сложным образом: из «*чего-то* робкого, пансионски неопределенного, иногда очаровательного по своей оригинальной резвости и наивности, иногда грустного и задумчивого, удивленного, недоверчивого, плачущего и беспокойного» вдруг возникает «*необыкновенное и неожиданное существо*» — и Тоцкий (и рассказчик) удивляется тому, как и откуда оно могло возникнуть: «Неужели из своей девичьей библиотеки?». «Девичья библиотека» для Настасьи Филипповны собрана Тоцким как орудие влияния — но, оче-

видно, в книгах содержится больше, чем считает, что в них содержится, подобный самоуслаждающийся господин: книга сама по себе, прочитанная *на воле*, вне навязанных толкований, не может стать орудием форматирования человека в чуждых интересах, потому что в книге, рассказывающей человеческую историю, во-первых, всегда содержится что-то, что ломает однозначную идеологически выдержанную интерпретацию, а во-вторых, при смене читателя меняется угол зрения, ракурс восприятия — и роман «Дама с камелиями», должный, по мысли Тоцкого, стать дополнительным орудием нравственного развращения, становится, подкрепив уже возникшее отвращение, созидающим каменную стену на пути любого плотского соблазна.

Статья завершается обращением к отражению образа Дон Кихота в разных героях романа (прежде всего — в Аглае, что ново — и очень точно).

Вторая в рубрике статья — Татьяны Магарил-Ильяевой — посвящена присутствию в «Идиоте» двух французских романов, *маркирующих его начало и конец*: «Дама с камелиями» и «Мадам Бовари». Если первый роман посвящен романтизированной истории проститутки: истории, создающей при поверхностном чтении впечатление, что если бы возлюбленный женился на ней (а его семья не противодействовала), то настал бы рай и всеобщее счастье в отдельно взятой ячейке общества, — то второй роман посвящен ужасу и человеческой катастрофе «нормальной семейной жизни». Достоевский, вводя эти романы в свой текст, прозрачно показывает, что для восстановления и спасения *человека* в мире универсальный рецепт замужества и «семейного счастья» совсем не годится, что надежда на то, что смена социального состояния принесет разрешение проблемы *человека*, вполне несостоятельна, что «нужно что-то другое», что счастье человеческого осуществления — это синтез совсем иного уровня, чем создание очередных «недр семейства».

Следующие две статьи рубрики (автор первой — я, Татьяна Касаткина, второй — Ольга Деханова) посвящены присутствию и значению «Физиологии обыденной жизни» Льюиса в «Преступлении и наказании».

Моя статья сопоставляет две выделенные сразу, при первом упоминании Сони в романе, в рассказе ее отца, точки, как бы аккумулирующие в себе «все просвещение» героини. Это лицо и книга: Кир Персидский, на котором остановилось изучение ею истории, и «Физиология обыденной жизни», полученная от Лебезятникова, которую она прочла всю, сообщая особо заинтересовавшие ее места домашним. Я показываю, что как Кир, так и «Физиология» становятся важными опорными точками в осмыслении Соней мира и положения и задачи человека в этом мире, причем оба они не то, чем кажутся на первый взгляд. Кир, по первому впечатлению могущий быть добавленным Раскольниковым в его ряд «обновителей человечества», нарушителей древнего закона (заметим, что Кир — основатель *первой в мире* империи), оказывается восстановителем древнего закона. «Физиология обыденной жизни» оказывается текстом философа, позволяющим увидеть в законах организма законы мироздания и человечества. Я показываю, как в словах Христа об исполнении закона открывается значение «восполнения» закона и объясняю — при помощи «Физиологии» Льюиса — что имеют в виду Свидригайлов и Порфирий Петрович, настаивая на том, что Раскольникову нужно «воздуху, воздуху, воздуху!». Также я привожу развернутое оглавление той «Физиологии», которую читала Соня, — чтобы несколько исправить то ложное впечатление, которое создавалось о книге у читателей «Преступления и наказания» на основе внешних свидетельств.

Вторая статья о «Физиологии обыденной жизни», пера Ольги Дехановой, описывает брожение умов того времени, созданное движением науки; устремленность молодых людей к отчасти запретному плоду, в роли которого выступали позитивные исследования мира, но, прежде всего — человека; журнальную полемику вокруг книги Льюиса и весьма положительную рецензию на нее, опубликованную в журнале братьев Достоевских «Время». Исследовательница пытается объяснить выбор Достоевского, вложившего в руки Сони именно «Физиологию» Льюиса, а не, например, «Физиологические картины» Бюхнера. В статье раскрывается, в свете «Физиологии», почему «был голоден» — первое, что приходит на ум Соне для объяснения преступления Раскольникова. И отчасти

разъясняется, что это такое — быть голодным. И однако исследовательница наглядно показывает, что Достоевский радикально меняет мотивировки. Голодное сотрясение организма, согласно ее анализу, подрывает не человечность героя, а крепость его идеологических установок, как раз и позволяя прорваться сквозь них человеческому негодованию и отращиванию к идее преступления.

Рубрику «Поэтика. Контекст» открывает перенасыщенная важнейшими наблюдениями статья Татьяны Боборыкиной, посвященная книгам в книгах Данте, Шекспира, Пушкина и Достоевского. Может быть, наиболее впечатляющей линией ее является сюжет о книге, которую читают влюбленные. У Данте это книга, которую влюбленные читают вместе и которая провоцирует их повторить путь тех, о ком они читают, которая, в своем смысле, учит их любви. У Пушкина в «Евгении Онегине» это книги, которые читают влюбленные, отвергнутые любимыми (сначала — Татьяна книги Онегина, потом — Онегин книги, перечисленные среди тех, что «заменили все» Татьяне, в частности — Руссо), чтобы как бы сквозь них понять и — главное — почувствовать своих не отвечающих, удаляющихся от них возлюбленных. У Достоевского герой и героиня вновь читают вместе, но теперь эта книга — Евангелие. Я не могу согласиться с Татьяной Александровной, стремящейся уравнивать чтение влюбленных у Данте с чтением Евангелия у Достоевского. На мой взгляд, у Достоевского это третий вариант взаимодействия: здесь не книга становится их проводником (и даже сводней), как у Данте — здесь каждый из них становится друг для друга проводником к Евангелию, создавая новый сюжет для того же смысла из своей собственной истории. Соня смотрит на мертвого (как она думает — от потери веры) Раскольников — и надеется, что он оживет, услышав историю Лазаря. Раскольников смотрит на социально и морально «мертвую» Соню — и слышит в ее тревожном восторге при чтении истории Лазаря ее предчувствие собственного воскресения. История двухтысячелетней давности приходит к каждому из них обновленной в сегодняшней истории того, кто сейчас читает ее вместе с ним. Но если бы не статья Татьяны Александровны — я бы ничего этого не увидела.

Вторая статья рубрики — исследование книг, присутствующих в романе «Бесы», проведенное Людмилой Сараскиной. Прежде чем перейти собственно к «Бесам», исследовательница наглядно и убедительно показывает «действующую и буйствующую» могучую стихию литературного творчества, захлестывающую множество персонажей практически всех произведений Достоевского. И все же с «Бесами» в этом смысле не может сравниться ни одно из них — там, по подсчетам автора статьи, две трети персонажей (20 человек) — литераторы, сочинители, в общей сложности, 25-и рукописей или публикаций. И как сочинители — практически все они терпят фиаско. А автор статьи сосредоточивается не на сочинителях — на читателях. И выясняется, по нынешним временам, невероятное — оказывается, книги нужны читателям — для жизни. Для того, чтобы понимать: сына (для этого Варвара Петровна читает Шекспира, а Степан Трофимович — «L'Homme qui rit» и «Что делать?»), возлюбленного, себя, в конце концов. Книжки читаются по необходимости — и это необходимость понимания. Единственный читатель для развлечения — оттого почти и не читающий — Петр Верховенский. И более всего для жизни нужно — внезапно и на последних страницах — оказывается Евангелие.

В третьей статье рубрики Александра Тоичкина выясняется, как историко-литературные и историко-философские сочинения становятся материалом для творческой лаборатории художника, хотя при переходе от рассмотрения определенных концептов в работах Страхова к их присутствию и наполнению в романе Достоевского возникает ощущение внезапного появления сияющих бриллиантов на месте мелких листочков серой фольги. Я не думаю, чтобы из одного можно было сделать другое (а главное — чтобы в этом была хоть какая-то необходимость для художника) — но разглядеть во всей мощи то, что делает Достоевский, предварительное обращение к Страхову, безусловно, очень помогает.

В четвертой статье рубрики Лазарь Милентиевич весьма продуктивно рассматривает образ Свидригайлова как точку схождения и противоборства христианских и языческих концепций в творчестве Достоевского. Автор употребляет слово «синкретизм», но я думаю, что рассмотрение явления

многосторонне и в свете различных идей, могущих пролить на него свет, не есть синкретизм (под которым все же принято понимать довольно механическое слияние разнородного). «Синкретизм» будет здесь возникать в сознании исследователя, сконцентрировавшегося на единстве философской концепции, а не в сознании Достоевского, концентрирующегося на самом явлении и берущего для его познания любой подходящий философский инструмент, если он способен хоть что-то дополнительно прояснить — прямо по завету апостола Павла: «Все исследуйте, доброго держитесь».

В рубрике «Достоевский на сцене» мы публикуем работу Энисы Успенской, посвященную постановкам «Преступления и наказания» в Сербии в первой половине XX века. Автор проводит впечатляющее исследование, в ходе которого, на основании почти не сохранившихся материалов, малыми штрихами, нежно, но уверенно — и удивительно эмоционально убедительно — словно восстанавливает перед глазами читателя давно сыгранные спектакли и даже психологический рисунок ролей.

У журнала есть паблики вконтакте и в телеграме (составившие ныне более 8400 подписчиков), подписавшись на которые, можно следить за новостями журнала и научно-исследовательского Центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», получить доступ к полнотекстовым записям семинаров и конференций Центра, читать и скачивать книги и статьи о творчестве Достоевского. Адреса страниц:

Vkontakte: <https://vk.com/dostmirkult>

Telegram: <https://t.me/dostmirkult>

Журнал издается в сотрудничестве с Комиссией по изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского научного совета «История мировой культуры» РАН. Работа ведется в контакте с российским и международным Обществом Ф.М. Достоевского.

Как и прежде, все цитаты из произведений Ф.М. Достоевского, за исключением особо оговоренных случаев, будут приводиться в журнале по 30-томному Полному собранию сочинений писателя (Л.: Наука, 1972–1990), со ссылками согласно правилам РИНЦ. Заглавные буквы в именах Бога, Богородицы, других именах и понятиях, вынужденно пони-

женные в этом издании по требованиям советской цензуры, восстанавливаются по прижизненным изданиям. Во всех цитатах — опять-таки за исключением оговоренных случаев — курсивом выделяются слова, подчеркнутые автором цитаты, полужирным шрифтом — подчеркнутые автором статьи.

Наш почтовый электронный адрес — fedor@dostmirkult.ru. Рабочими языками журнала являются русский и английский. Мы готовы рассмотреть любые материалы по тематике журнала из России и из-за рубежа. О решениях по публикации или возврате материала авторы будут оповещаться в течение месяца.

Татьяна Касаткина